

Следы на мокром песке

Фантастический рассказ

Ужимки продюсера начинали бесить.
— Нет! — резко сказал Рэй Дуглас. — Ваш вариант неприемлем... Нет, я не враг себе. Напротив, я берегу свою репутацию...

Голос продюсера обволакивал телефонную трубку, она стала вдруг скользкой как змея, и у писателя появилось желание швырнуть ее ко всем чертям.

— Речь идет о крохотном эпизоде, мистер Дуглас, — вкрадчиво нашептывала трубка.

— Представьте, что рассказ — это ребенок, так часто говорят, — он с грустью отметил, что раздражение губит метафору. — Эдакий славный крепыш лет пяти-шести. Все при нем — руки, ноги, он гармоничен. Данный эпизод — ручка, сжимающая в кулачке нить характера. Почему же я должен калечить собственного ребенка?..

Писатель вывел велосипед на дорожку, потрогал рычажок звонка. Тонкие прохладные звуки засверкали на давно не стриженных кустах, будто капельки росы.

— Эх, пропадай, тоска! — воскликнул он и, поддев педаль-стремя, вскочил на воображаемого коня.

Восторженно засвистел ветер. Спицы зарыбились и растворились в пространстве. Шины припали к земле.

Метров через триста Рэй сбавил темп — нет, не взлететь уже, не взлететь! А было же, было: он разогнался на лугу или

с горы, что возле карьера, разгонялся и закрывал глаза, и тело его невесомо взмывало вместе с велосипедом, и развевались волосы... Было!

Злость на продюсера прошла. Человек он неглупый, но крайне назойлив. Точнее, нудный. О силе разума он, может, и имеет какое-нибудь представление, но что он может знать о силе страсти?

Велосипед, будто лошадь, знающая путь домой, привез его к реке. Рэй часто гулял тут. Пологий берег, песок, мокрый и тяжелый, будто плохие воспоминания, неразговорчивая вода. Так было тут по утрам. Однако сегодня солнце, наверное, перепутало в гримерной костюм — вместо октябрьского, подбитого туманами, паутиной и холодной росой, надело июльский, и река сияла от удовольствия, бормотала что-то ласковое и невразумительное. Чистые дали открылись по обеим ее берегам, и стал слышен звук падения листьев.

«А что я знаю о страсти? — подумал писатель. — Я видел в ней только изначальную суть. Весь мир, человек, все живое, несомненно, — проявления страсти. Что там говорить: сама жизнь как явление — это страсть природы. Но есть и оборотная сторона медали... Я создаю воображаемые миры. Это, наверное, самая тонкая материя страсти. Но я, увы, сгораю. Какая нелепость — страсть, рождая одно, сжигает другое. Закон сохранения страсти...»

И еще он подумал, что, для того чтобы развеять тоску, было бы неплохо уехать. Куда-нибудь. Подальше.

Он взглянул на небо. Небо вздохнуло, и вдоль реки пролопотал быстрый дождик.

— Дуглас! — негромко окликнули его.

Писатель живо оглянулся. Никого! Берег пустынный, а лес далеко. Там подобралась хорошая компания вязов, дубков и кленов. В детстве он бегал туда за диким виноградом. Это была страсть ко всему незрелому — кислым яблокам, зеленым пупырышкам земляники...

— Задержитесь на минутку, — попросил его все тот же невидимка. — Я сейчас войду в тело.

Рэй наконец заметил, что воздух шагах в десяти от него как-то странно колеблется и струится, будто там прямо на глазах рождался мираж.

В следующий миг раздался негромкий хлопок, и на берегу появился высокий незнакомец в чем-то черном и длинном, напоминающем плащ.

— Не жмет? — участливо поинтересовался Дуглас и улыбнулся. — Тело имею в виду.

— Извините, метр. Я неудачно выразился. Но это в самом деле мое тело. — Незнакомец шагнул к писателю и радостно воскликнул, воздев руки к небу: — Вот вы, оказывается, какой!

«Что это? — подумал Дуглас. — Монах, увлекающийся фантастикой? Или... Или я просто переутомился. Я много и славно работал в сентябре. Да и октябрь был «жарок». Неужели воображение разыгралось так буйно?»

— Успокойтесь, метр. — Незнакомец остановился. — Вы не больны. Я реален так же, как и вы. Извините за эти дерзкие

слова; мне вовсе не пристало учить вас, как надо относиться к Чуду. Что касается одежды, то это защитная накидка. У вас здесь очень высокий уровень радиоактивности. Дома меня ожидает тщательная дезактивация.

Дуглас уже овладел собой.

— Как далеко ваш дом? — спросил он, пристально разглядывая незнакомца.

— Далеко, — ответил тот. — В две тысячи шестьсот одиннадцатом году. Я президент Ассоциации любителей фантастики. Я прибыл за вами, метр. И еще хочу заметить — у нас очень мало времени.

— Польщен! — засмеялся Рэй. — Встреча с читателями? Лекция? Я готов. — И удивился, покачал головой. — Две тысячи шестьсот одиннадцатый... Неужели знают?

Теперь улыбнулся президент.

— Вас ждут во всех Обитаемых мирах, — объяснил он, и бледное лицо его чуть-чуть порозовело. — Это такая удача, что мы можем вас спасти. Пойдемте, Дуглас. Вы проживете еще минимум восемьдесят-девять лет и напишете уйму замечательных книг. Только наш мир сможет дать вашему адскому воображению настоящую пищу. Вы будете перебрасывать солнца из одной руки в другую, словно печеную картошку.

— О чем вы? — сдавленным шепотом спросил писатель. — Уйти? Насовсем? Сейчас? Среди бела дня и в здравом уме?

— Вы уже не так молоды, — мягко заметил посланник из будущего. — Вырастили детей, достигли зенита славы. Вы уже никому ничего не должны здесь. Если вам безразлично, что вас ожидают сотни миллиардов моих соотечественников, то подумайте хоть раз о себе. Пойдемте, Дуглас. У нас осталось двадцать две минуты.

Воскресное утро, начавшееся для знаменитого писателя с досадной телефонной ссоры, вдруг засверкало для него всем великолепием красок, а растерянная мысль метнулась к дому:

«Как же так? А Магарет, дочери, внучата... Уйти — значит пропасть. Без вести. Значит, исчезнуть, сбежать, дезертировать. С другой стороны — дьявольски интересно. Ведь то, что произошло сейчас со мной, — настоящее волшебство. Это вызов моей страсти, моему искусству и таланту. Им нужен маг. Вправе ли я отклонить вызов? И что будет, если приму его? Ведь я не что иное, как форма, которую более или менее удачно заполнил мир. Уже заполнил».

— Почему такая спешка? — недовольно спросил он. — Во всяком случае, я должен попрощаться с родными.

— Исклучено! — Президент Ассоциации любителей фантастики развел руками, и на его лице отразилось искреннее сожаление. — Осталось двадцать минут.

— Но почему, почему?

— Время оказалось более сложной штукой, чем мы предполагали. Масса причинно-следственных связей, исторические тупики... Есть вообще запретные века. Там такие тонкие кружева, что мы боимся к ним даже притрагиваться. Поверьте, если бы существовала такая возможность, мы бы спасли все золотые умы всех веков и народов. Увы, за редким исключением это невозможно.

— И я как раз исключение, — хмуро заключил Рэй Дуглас.
— Да. И мы очень рады. Но временной туннель только один, и продержаться он может не более тридцати семи минут.

— Кого же вы уже спасли?

— Из близких вам по духу людей Томаса Вулфа, — ответил президент Ассоциации и вздохнул. — Однако он вернулся. Сказалось несовершенство аппаратуры...

— Томас?! — воскликнул Рэй. — Чертовски хотелось бы с ним встретиться. Ах да, я забыл...

Писатель разволновался, схватил пришельца за руку.

— Теперь я понял, — пробормотал он, улыбаясь. — Я все понял. Последнее письмо Вулфа из Сиэтлского госпиталя за месяц до смерти. Как там? Ах да... «Я совершил долгое путешествие и побывал в удивительной стране, и я очень близко видел черного человека (то есть вас)... Я чувствую себя так, как если бы сквозь широкое окно взглянул на жизнь, которую не знал никогда прежде...» Бедный Том! Ему, наверное, понравилось у вас?

— Метр! — взмолился человек в черной накидке. — Сейчас не время для шуток. Решайтесь же наконец. Четыре минуты.

— Нет, что вы. — Дуглас наклонился и подхватил велосипед за руль. Хитро улыбнулся. — Если бы я мог проститься, а так... Тайком... Ни за что.

— Мы любим вас, — сказал человек с бледным лицом и пошел туда, где воздух колебался и струился. — Вы пожалеете, Дуглас.

— Постойте! — окликнул его писатель. — Человек в самом деле слаб. Я не хочу жалеть! Обезбольте мою память, вы же, наверное, умеете такое. Уберите хотя бы ощущение реальности событий.

— Прощайте, метр. — Пришелец коснулся своей горячей ладонью лба Рэя Дугласа и исчез.

Писатель тронул велосипедный звонок. Серебряные звуки раскатились в жухлой и редкой траве, будто капельки ртути. Дуглас вздрогнул, оглянулся по сторонам:

«Что со мной было? Какая-то прострация. И голова побаливает. Я сегодня много думал о Вулфе. И, кажется, с кем-то разговаривал. Или показалось? На берегу же ни одной живой души. Но вот следы...»

На мокром песке в самом деле отчетливо виднелись две цепочки следов.

«Ладно, это не главное, — подумал писатель. — Вот сюжет о Вулфе хорош... Его забирают в будущее за час до смерти... Там ему дают сто, двести лет жизни. Только пиши, только пей! Нет, это немислимо, слишком щедро, он утонет в океане времени. Сжать! До предела, еще, еще... Месяц! Максимум два. Их хватило на все. Он летит на Марс. И он пишет, надиктовывает свою лучшую книгу. А потом возвращается в больницу, в могилу... Но чем объяснить его возвращение — необходимостью или желанием?... Я напишу рассказ. Можно назвать его «Загадочное письмо». Или «Год ракеты»... Или еще так — «О скитаниях вечных и о Земле».